

СВОЙСТВО ОЧАРОВЫВАТЬСЯ МИРОМ

Дмитрий Красавин

Дмитрий Красавин

Свойство очаровываться миром

«Издательские решения»

Красавин Д.

Свойство очаровываться миром / Д. Красавин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936594-1

Философия и беспечность. Лирические зарисовки, притчи, детективы. Героев книги объединяет лишь одно — свойство очаровываться миром, даже тогда, когда мир уплывает из под ног. Ведь не способность быть премудрым змием, не опыта сомнительная честь, а свойство очаровываться миром нам открывает мир, какой он есть... Евгений Евтушенко.

ISBN 978-5-44-936594-1

© Красавин Д.
© Издательские решения

Содержание

Река	6
Из подслушанного	7
Как мама наказывала	7
Любовь за пончики	8
О вере и безверии	9
Первая обида	10
О чуткости	11
Из подслушанного в библиотеке	12
Притчи и миниатюры	13
Наши и не наши	13
Осенние листики	15
Птичка в клетке	16
Чудесный мост	17
Трое вас, и трое нас, помилуй нас	19
Рабиндранат Тагор и Заповедь любви	20
Кого можно назвать праведником?	22
Весенняя притча	23
Жизненные истории	24
Девочка Таня	24
Как мы с Женей Шароновым чуть не стали индейцами	26
О дружбе с Мариной и Юрке-донованозе	29
Бомбочки и матрос	31
Блек энд уайт. О Маяковском и не только	34
Мир! Бог! Май!	37
Мать Тереза и рикша	40
Прости меня, незнакомка	42
Гитара, классика и любовь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Свойство очаровываться миром

Дмитрий Красавин

Иллюстратор Дмитрий Красавин

© Дмитрий Красавин, 2018

© Дмитрий Красавин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-6594-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Река

Я – река!
Широкая, полноводная.
Мои берега там, где начинается молчание.
Мои воды – слова.
Передаваемые из уст в уста, из строчки в строчку,
они вливаются в меня тоненькими струйками или бурлящими
ручьями
с театральных подмостков,
с экранов мониторов, планшетов, мобильных телефонов,
с улиц и площадей,
с дружеских вечеринок,
с полей брани...
Сказанное в тиши, эхом отражается в моих глубинах.
Слова наполненные ненавистью, вожделием, скверные слова —
черные мазутные пятна,
расползающиеся по моей поверхности и губящие все живое.
Слова любви, признательности, прощения, благодарности —
возвращают мне первозданную чистоту.
Я до краев наполнена вашими мыслями, эмоциями, чувствами,
желаниями, привязанностями, болью, радостью...
Вы черпаете мои воды ладонями,
припадаете к ним устами,
окунаетесь в их глубину,
отражаетесь во мне...
Чем чище мои воды, тем чище и прекраснее вы,
Ваши потомки...
Ваше и мое будущее на кончиках ваших языков,
на подушечках пальцев, держащих перо...
Я – река...
Я ваша родная речь.

Из подслушанного

Как мама наказывала

Трехлетняя девочка, увлекаемая за руку отцом, кричит на выходе из городского парка:

– Папа, я писать хочу!

Мужчина, не оборачиваясь:

– Только что спрашивал – не хотела, а сейчас хочешь? Терпи теперь до дома.

Заметно прихрамывая на одну ногу, он прибавляет шаг.

Она семенит сзади:

– Я сильно хочу.

Отец увеличивает скорость.

Девочка вырывает свою руку и останавливается.

Мужчина наклоняет лицо к дочери:

– Ну, что еще?

– Ничего. Мама наказывала, чтобы я тебе не позволяла с больной ножкой бегать, а ты бежишь.

– Так ты же писать хочешь!

– Не буду хотеть. Подожди... Вот, сейчас.

Под сандалиями девочки появляется маленькая лужица. Она вздыхает и, поднимая глаза к отцу, говорит:

– Теперь не надо спешить, пойдём тихо, как мама наказывала.

Любовь за пончики

Соседка угостила пятилетнего малыша пончиками и, наблюдая, как тот с аппетитом глотает третий пончик подряд, поинтересовалась:

– Любишь пончики?

– Очень!

Игриво:

– А меня?

– И вас.

Минуту спустя, серьезно и задумчиво:

– А за что ты меня любишь?

– За пончики!

О вере и безверии

Миша, шесть лет, хвастается перед младшим братом:

- Я арифметику знаю, а ты нет...
- Знаю! – обиженно возражает тот.
- А скажи, сколько будет – к трем прибавить два?
- Не скажу!
- Значит, не знаешь! Не знаешь, не знаешь.... Ха-ха-ха...
- Знаю, но тебе не скажу!
- Почему? Ну, почему?
- Потому, что ты ничему не веришь.

Первая обида

- Кристиночка, ты почему плачешь?
- Меня Мишка назвал мадму-за-зелью-ю-ю-ю...

О чуткости

- Дашенька, да ты никак в Саньку влюбилась?
- А что, заметно?
- Битый час возле его окон крутишься – как не заметить.
Чем этот шалопай тебя привлек?
- Он такой чуткий, – не то, что другие!
- Это Санька-то?
- Я себе косичку сделала как у Дженнифер Моррисон – никто не заметил, а он два раза подбегал и дергал.
- Так больно ж?
- До слез. Я даже стукнула его кулаком... Но приятно.

Из подслушанного в библиотеке

1

– Помогите мне найти Карлоса.

– ???

– Ну, как его?

– Кастанеду?

– Нет.

– Руис Сафона?

– Другого.

– Хуан Карлоса?

– Да нет же!

– Может, вы Карла с Карлосом путаете? Карл Линей? Карл Великий?

– Вы сами меня запутали. Который из них живет на крыше?

– Карл Маркс! – неожиданно для всех (да, пожалуй, и для себя), возвысив голос, отвечает библиотекарь.

2

– У вас «Война и мир» в сокращении есть?

– ???

– Ну так, чтобы страничек на десять – и все ясно.

– Что «все»?

– Ну, кто с кем, когда и где – без лирики, только суть.

– Суть и сокрыта в лирике. Сюжет – всего лишь каркас.

– Тогда мне каркас без сути. Хочу парня эрудицией сразить, чтоб зауважал.

3

Библиотекарь в читальном зале подходит к одному из столов и шепчет сидящей за ним девочке:

– Машенька, пожалуйста, не читай так громко – ты мешаешь читать другим.

– А я негромко не умею, – также шепотом отвечает Машенька.

– Тогда читай про себя. Договорились?

– Договорились – про себя даже интереснее.

– Ну и умница!

Библиотекарь на цыпочках отходит от стола.

Машенька громким шепотом окликает ее:

– Вера Павловна, а вы пальчиком, пожалуйста, покажите, где тут в книжке про меня написано.

Притчи и миниатюры

Наши и не наши

Однажды после воскресной проповеди и причастия кто-то из прихожан в церкви спросил у отца Петра:

– Скажите, а кто нам, русским православным людям, более близок: буддист, иудей или мусульманин?

– Разве близость человека определяется его национальностью или тем, какую религию он исповедует?

– А чем еще?

Отец Петр обвел взглядом собравшихся вокруг него людей и неожиданно предложил:

– Давайте, я поведаю вам притчу. – И, огладив ладонью бороду, начал рассказывать.

– Рано утречком в Великую субботу поехал один «русский православный человек» на своей машине в Лавру, к мощам Сергия приложиться и праздник светлый, Пасху, в святом для всех нас месте встретить.

На полпути случилось так, что у машины спустило колесо.

Остановился на обочине, достал запаску, поменял. Наклонился к канаве придорожной руки помыть, а сзади разбойники налетели. Побили изрядно, из карманов деньги вывернули. Мобильник, ключи от машины отобрали и укатили на его машине, оставив нашего героя валяться в придорожной грязи.

Много ли мало ли времени прошло, сказать не берусь, но оклемался сердешный, вышел на дорогу, голосует проезжающим.

Все мимо катят.

Священник один притормозил было, да увидел замызганные грязью ботинки, порванную куртку и снова на газ нажал – салон у него в машине перед Пасхой начищен, ладаном пропитан – побрезговал батюшка в такую благодать незнакомца приглашать.

Депутат думский с мигалками, даже не притормозив, мимо проехал – его в Лавре журналисты с камерами ждали, чтобы засвидетельствовать набожность народного избранника.

Бедолага уж совсем отчаялся, идет по краю дороги, шатаясь от усталости, голову опустил. Вдруг каблучок потрепанный впереди остановился и задний ход дал.

Вышел из машины узбек, правоверный мусульманин, из тех, кого у нас в Москве презрительно лимитой называют. Дверку перед страдальцем открыл, помог в салон сесть, достал аптечку, ссадины тому на руках продезинфицировал, пластырем залепил. Разузнав о случившемся, отвез нашего героя в Сергиев Посад, устроил в гостиницу, деньги на мелкие расходы оставил.

После чего уехал по своим делам в Дмитров, пообещав на обратном пути, в воскресенье, заехать за ним и отвезти домой в Москву.

– Так это вы евангельскую притчу о самарянине на свой манер рассказали! – раздалось сразу несколько голосов.

– Именно! Так, кто для нашего героя близким оказался: православные священник с народным депутатом или узбек-иноверец?

– Ясно дело – узбек, – отозвался прихожанин, вопрошавший ранее о близости. – Но это частный случай, а хочется в общем знать – кто наши, кто не наши.

– Милосердный иноверец-самарянин и христианский Бог в евангелии неразделимы.

Если Христос «НАШ», то НАШИ и все те, чьи сердца исполнены любви к людям, к божьему творению.

Какой они веры, верят ли вообще в Бога, какой национальности, какого пола – это все третьестепенное.

Осенние листики

Я нажал на педаль тормоза. Машина послушно остановилась перед светофором. Тотчас же о ветровое стекло ударился сморщенный желтый лист, чем-то напоминающий удивленное человеческое лицо, и, раздираемый любопытством, принялся бесцеремонно разглядывать пассажиров на заднем сидении. Затем затрясся, задрожал, скользнул вправо, сделал круг по периметру стекла, резко взмыл вверх и спикировал на стоявшего во втором ряду опея.

Несколько секунд, замерев на одном месте, он пристально всматривался в лица сидящих там людей. Потом что-то более привлекательное вновь заставило его подняться в воздух и устремиться на красный свет через перекресток к противоположной стороне дороги...

Зажегся зеленый. Я выжал сцепление, нажал на газ. То ли старый знакомый, то ли новый листик судорожно чиркнул по стеклу.

Неожиданно подумалось:

«А чем осенние листья отличаются от людей? Не подобны ли вихри наших бесчисленных желаний осеннему ветру? И носимся мы, гонимые ими по всему свету:

– Вот оно – нашел! Нет, не то. Этого я не хочу. Надо туда. Нет, лучше туда».

Нам кажется, что мы свободны, что сами выбираем, как и куда лететь. Но разве человек и его мимолетные желания – одно и то же? Разве человек по своей сути не является чем-то большим?

Природа подарила нам этот мир, это тело и все необходимое для жизни. Каждый миг бытия исполнен совершенства. Надо лишь погрузиться в него всем своим существом, не пройти мимо, не упустить его красоты.

Но гонимые ветром желаний, мы судорожно высматриваем что-то большее в будущем, упуская саму жизнь – настоящее.

Как будто не доверяем Тому, Кто нас создал, считаем себя обделенными.

И эта философия обделенных, обманутых, а потому неблагодарных, завистливых существ почти повсеместно доминирует. Разве я не прав?

Свобода не в том, чтобы тащиться по миру на поводках бесчисленных, постоянно меняющихся желаний, а в том, чтобы в любых условиях и при любых обстоятельствах оставаться людьми, выражать свою суть. Понимание своей бесконечной, вневременной сути называется мудростью. Мудрость рождает благодарность. Благодарность – мать радости и бескорыстного служения.

Жизнь – это праздник, если она вращается по орбитам мудрости. Когда человек живет, отыскивая мед даже в самых горьких моментах бытия, то все, в чем он нуждается, приходит как бонус к главному – любви и благодарности.

Ветер играет над дорогой осенними листьями – швыряет вверх, собирает в стаи, разбрасывает по сторонам...

Птичка в клетке

Соседскому мальчику подарили птичку в большой клетке с позолоченными прутьями. Неделю или две он наслаждался общением со своим пернатым другом, но, в конце концов, из чувства сострадания решил выпустить его на свободу.

Он поставил клетку на балкон, открыл в ней дверку, а сам вернулся в комнату и стал через стекло наблюдать, как его друг будет прощаться со своей позолоченной тюрьмой.

Вначале «друг» долго и придирчиво осматривал балкон и распахнутое над клеткой небо, потом несколько раз опасливо высовывал наружу голову, суетливо вращая ею во все стороны – нет ли во всем этом непривычном для него окружении какого-либо подвоха, и, наконец, вот он долгожданный миг – выпрыгнул через дверку на пол балкона, взмахнул крыльями и взвился в небо.

Но не тут-то было.

Не прошло и минуты, как птичка вновь спустилась на балкон и поспешно запрыгнула обратно в клетку.

Последующие попытки выпустить «друга» на свободу оказались такими же безуспешными. Пернатый друг явно выказывал предпочтение хоть и тесной, но обжитой, «родной» клетке перед необъятными просторами внешнего мира.

Так и ум человека, соорудивший для себя клетку из прошлых обид, побед, поражений, никак не решается с ней расстаться – все пережевывает и пережевывает прошлое, упуская саму жизнь.

Дверь в клетке открыта – лети! Весь мир открыт перед тобой! Но...

Чудесный мост

*Ведь не способность быть премудрым змием,
не опыта сомнительная честь,
а свойство очаровываться миром
нам открывает мир, какой он есть...*

Евгений Евтушенко

Игумен со своим келейником возвращались в монастырь, но заплутали и вынуждены были заночевать на обрывистом берегу неведомой таежной речки. Проснувшись поутру, игумен увидел на другой стороне стадо коров и разбудил келейника:

– Илюша, переберись на тот берег, найди пастуха, спроси дорогу и умоли дать нам хлеба с молочком, а то что-то я совсем изголодался.

Илюша упал игумену в ноги, попросил благословения и, получив его, радостный скаптал вниз к реке. Вода была чистая, прозрачная до самого дна, а ее поверхность переливалась мириадами бликов восходящего солнца, как церковь в пасху переливается мириадами горящих свечей. Оглядевшись, келейник понял, что брода рядом найти не удастся. Плавать он не умел, но желание игумена для келейника закон, а главное почитал он своего хозяина на равных с Богом. Осенив себя и речку крестным знаменем, он заговорил с ней.

– О, чистая, непорочная река, я преклоняюсь пред тобой, как совершеннейшим Божиим даром – в тебе нет ни одного изъяна! И мой игумен чист и непорочен! Ты одаряешь своими благодатными водами всех, кто приходит к твоим берегам! И мой игумен одаряет благодатью Божьей всех, кто приближается к нему! Во имя господя нашего Иисуса Христа, во славу моего игумена, пропусти меня на тот берег за молочком для непорочного слуги Божьего.

И случилось чудо: течение реки на миг замерло, мириады солнечных бликов поднялись вверх, образуя над водой сверкающий мост. Восхваляя Бога, своего игумена и реку, келейник вошел на него и, не замочив ног, перешел на противоположный берег.

Спустя какое-то время он тем же путем вернулся обратно с холщовой котомкой за плечами, загруженной хлебом, маслом и молоком.

Игумен, в изумлении наблюдавший за этим чудом с высокого берега и слышавший все, что говорил юноша, бросился к реке, чуть не сбив с ног своего верного слугу и, перекрестившись, смело ступил на еще не утративший своего блеска чудесный мост. Однако не успел он и до середины добежать, как блики вновь опустились на поверхность реки. Лишившись опоры, ноги игумена вытянулись, и святой отец камнем пошел ко дну реки.

Лежать бы ему там до скончания веков, если б не случилось быть рядом пастуху. Не мешкая тот нырнул в реку и вытащил святого отца на берег. Продрогший, напуганный слуга Божий, долго молчал, обсушиваясь и согреваясь возле разведенного пастухом костра и наконец, с обидой в голосе произнес:

– Я тот самый игумен, во славу моей непорочности возник этот чудесный мост. Как же могло так случиться, что подо мною он вдруг исчез? Я чуть не утонул!

– Святой отец, я человек малограмотный, – поразмыслив немного, отвечал ему пастух. – Но позвольте, скажу свое мнение.

– Говори!

– Келейник, когда подошел к реке восхвалял и Бога, и реку, и вас. Его сердце было переполнено благодарностью к Творцу, восхищением красотой и совершенством Его творения. В нем не было места ни для чего другого. А ваше сердце, распирали мысли о собственной значимости. Может, в этом причина?

Почитайте каждый миг бытия как ниспосланный свыше дар, наполняйте сердца благодарностью, и чудеса станут обычным явлением вашей жизни.

Если чудес в вашей жизни не случается, значит ваше сердце заполнено чем-то другим. Может, мыслями о собственной значимости?

Трое вас, и трое нас, помилуй нас

Эту притчу я слышал в Рыбинске на встрече мологжан. Говорят, ее когда-то рассказывал прихожанам настоятель Троицкой церкви села Верхне-Никульское Некоузского района Ярославской области архимандрит Павел (Груздев).

Пересказываю притчу своими словами. Не обессудьте, если что-то упустил. Главное ведь суть передать.

Ехал как-то архиерей по морю на Соловки, в монастырь. Справа по борту островок каменный маячит.

Кто-то из местных пальцем в сторону островка показал:

– Там три святых старца живут.

Архиерею любопытно стало, велел шлюпку на воду спустить. Перебрался в нее со своими приближенными, и погребли они к тому островку.

Подшли к берегу. Островитяне архиерея с поклоном встретили, привели к своему шалашу, усадили на бревнышко.

Владыко их перекрестил и сразу с вопросом:

– Ну, люди добрые, рассказывайте, кто вы такие, как долго здесь отшельничествуете?

– Долго ли не знаем, но лет двадцать или тридцать, пожалуй, будет. А оказались здесь по промыслу божьему. Рыбачили на море, а тут шторм начался, лодку о камень разбило. Мы среди волн взмолились господу и пообещали, что коль дарует нам добраться до клочка земли, то до конца дней своих жить на нем будем.

– Похвально, что от обета не отказались, ну, а молитесь-то как?

– Да какие из нас, владыко, молитвенники. Помним, что на небе бог в трех лицах, и нас трое. Вот три раза в день и говорим ему: «Трое вас, и трое нас, помилуй нас».

– Ну, это никуда не годится! Читать умеете?

– Книг здесь нет, почта не ходит. Что букв и знали – забыли.

– Ну, тогда повторяйте за мной: «Отче наш, иже еси...»

Много ли мало ли времени прошло, но архиерей уехал лишь тогда, когда старцы повторили ему всю молитву от начала до конца самостоятельно.

Шлюпка причалила к судну, архиерей поднялся на палубу. Перед тем как идти к себе в теплую каюту глянул еще раз в сторону островка и увидел, что тот весь охвачен ярким заревом.

– Шалаш у старцев горит! – крикнул кто-то из приближенных.

Архиерей приложил ладонь козырьком к глазам, вглядывается вдаль.

Что такое? Зарево от острова отделилось и к судну летит, а под ним по воде, аки по суку, бегут три отшельника.

Приблизились к борту, кричат снизу:

– Прости владыко, только ты отъехал, заспорили мы промеж собой, как правильнее молиться. Научи нас еще раз, а то как-бы раздор не случился.

У архиерея слезы на глазах выступили, в голове мысль бьется:

«Как я ничтожнейший из ничтожных посмел этих святых людей поучать?»

Молитвы и обряды – лишь средства пробуждения веры, а через нее и любви всеобъемлющей, а те рыбаки уже живут ею».

Перегнулся он через борт и прокричал в ответ:

– Люди добрые, я много молитв знаю, но по морю бегать не умею. Возвращайтесь на свой остров и молитесь, как раньше: «Трое вас, и трое нас, помилуй нас».

Рабиндранат Тагор и Заповедь любви

Лучше зажечь маленькую свечу, чем проклинать темноту
Конфуций

Эту историю рассказал мне один из случайных попутчиков во время экскурсии по Калькутте. Детали не помню, но суть постараюсь передать.

В 1913 году Рабиндранату Тагору была присуждена Нобелевская премия в области литературы. Это известие всколыхнуло Индию. Известный писатель в одно мгновение превратился в национального героя.

В родной Калькутте, в аэропорту нобелевского лауреата встречали миллионы восторженных почитателей, осыпали лепестками роз, просили автографы. Журналисты из многочисленных журналов и газет, продираясь через толпу, умоляли писателя об интервью.

Мечтая о долгожданном отдыхе, Тагор лишь к вечеру добрался до родного дома. На крыльце перед дверью его поджидал сосед. Отношения между ними давно уже были натянутыми – сосед только и делал, что искал причины для ссор: и граница между участками проведена неправильно, и деревья в саду у Тагора чересчур высокие, и гостей шумных много наезжает. Так до бесконечности.

На этот раз, схватив писателя за руку, он загородил собой входную дверь и спросил:

– Ты думаешь, что действительно заслужил эту премию?

Рабиндранат Тагор промолчал, так как знал – любой ответ выведет этого нервного человека из себя.

– Нет, ты скажи, – настаивал сосед, уставившись своими выпуклыми покрасневшими глазами в глаза писателя. – Если ты призываешь других любить все живое на Земле, то и сам должен всех любить, иначе ты лжец. А лжец не достоин премии. Так ведь?

Тагор молчал.

– Я не вижу в твоих глазах любви к себе. Ты любишь меня или все тобой написанное – ложь?

– Я очень устал и ужасно хочу спать, – наконец отозвался писатель. – Приходи завтра, и мы обо всем поговорим.

Сосед неохотно разжал пальцы, стискивавшие руку писателя, и уступил дорогу.

После короткого сна, перед восходом Солнца Тагор пошел на берег Ганга, чтобы окунуться в воды священной для всех индусов реки. Путь проходил через пустырь, заваленный горами мусора. Прошедший ночью дождь залил тропку, приходилось обходить лужи и расползшуюся повсюду грязь. Окунувшись в реке, писатель сел медитировать.

Когда первый луч восходящего Солнца коснулся его ресниц, он открыл глаза. Река была залита светом, бесчисленные солнечные блики играли на ее поверхности. Воздух содрогался пением птиц, жужжанием пчел. Все вокруг приветствовало дневное светило. Некоторое время писатель сидел молча, впитывая в себя красоту окружающего мира, потом встал, с благоговением поклонился Солнцу, реке, небу, сложил в чехол коврик для медитации и отправился в обратный путь. Но что это? Теперь в каждой капельке росы, в каждой луже его приветствовало Солнце. Не было такого места на земле, которое не наполнял бы солнечный свет! Неожиданно, он вспомнил своего задиристого соседа с его бесконечными придирками. Как все их былые ссоры мелки и несущественны пред той огромной Божественной любовью, которая подобно солнечному свету отражается в каждом человеке!

Он замедлил шаг и, взглядывая вглубь себя, принялся размышлять.

Почему мы требуем от обидчиков, чтобы они перестали творить зло, обижать нас? Потому что хотим ИМ добра? Нет, потому, что хотим добра СЕБЕ. Ах, как это пакостно!

Наши претензии, обвинения большей частью исходят из нашего невежества, нашего эго, а значит, в итоге приводят лишь к еще большей отчужденности, к возрастанию зла. Ибо **НА ЧТО ОБРАЩАЕШЬ ВНИМАНИЕ, ТО И ВОЗРАСТАЕТ!** Победа зла насильем всегда временна, она рождает страх в поверженном противнике и в конечном итоге становится прологом еще большего зла! Мы разучились видеть солнце в окружающих нас людях – в этом корень войн и конфликтов.

В этом отверженном всеми человеке за внешней грубостью и злобой скрыта присущая живым существам жажда любви. Он глубоко несчастен в своем одиночестве, а значит более чем кто-либо другой, нуждается в понимании, в добром слове. Воплощение любви, Христос у христиан призывал к себе грешников, а не праведников, ибо грешники более других нуждались в Нем. Разве все религии мира, все люди доброй воли не едины в Заповеди любви?

Погруженный в размышления Тагор подошел к своему дому.

Сосед уже поджидал его на крыльце, снова загоразивая своим грузным телом входную дверь. Он медленно, с презрительной ухмылкой поднял на писателя свои налитые кровью глаза:

– Ну, что?

Рабиндранат Тагор поднялся по ступенькам на крыльцо, шагнул к соседу, обнял его, прижал к груди, отдавая этому несчастному, не любимому никем человеку, все тепло своего сердца и спустя некоторое время, отстранившись, сказал:

– Я люблю тебя, благодарю судьбу за то, что ты есть. Прости, что за мишурой обид так часто был с тобой несправедлив и даже заносчив.

И тут произошло нечто неожиданное – из глаз соседа вдруг брызнули слезы. Он ткнулся лицом в грудь писателя, и так, обнявшись, они еще долго-долго стояли на высоком крыльце писательского дома.

Кого можно назвать праведником?

Кого можно назвать праведником? Могут ли праведниками быть атеисты, мусульмане, буддисты, кришнаиты...? Или это прерогатива христиан? Если христиан, то каких именно – православных, католиков, лютеран, адвентистов, староверов...?

На мой взгляд, споры богословов всех мастей о превосходстве какой-либо религии перед другими подобны спору детишек в песочнице, когда каждый утверждает «Моя мама лучше твоей!»

Однако ребенок, в конце концов, вырастет и постепенно осознает, что это прекрасно, когда каждый из нас любит свою маму, не противопоставляя ее мамам других.

Совсем другая история с богословами. Похоже, что большинство из них в своем развитии так и остается на уровне детишек из песочницы. И все бы ничего, но из их взрослых споров о том, чья религия лучше, разгораются войны, рождается терроризм.

Я решил посмотреть, что по поводу праведников говорится в священном для христиан Евангелие от Матфея. И вот что обнаружил.

Христос называет праведниками, «благословенными Отца Моего», тех, кто деятельно милосерден по отношению ко всем братьям Его меньшим.

Он не оговаривает, какого мы при этом должны быть вероисповедания и должны ли принадлежать к какой-либо религиозной общине.

Он нигде не разделяет людей по тому, кто как крестится или молится. Христос «не так беден, чтобы иметь Церковь только в Сардинии» (блаженный Иероним) Его церковь в сердце каждого из нас, независимо от того насколько каждый из нас это осознает и осознает ли вообще. И Он обещает, что каждый из смертных, может унаследовать Царство, уготованное ему от создания мира.

Единственный критерий отбора – деятельное сострадание ко всем нуждающимся: приютить странника, одеть нагого, посетить больного или заключенного...

В подтверждении сказанного цитата из Евангелия от Матфея 25.34—40.

– Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира; ибо голодал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Тогда праведники скажут Ему в ответ:

– Господи, когда мы видели Тебя голодающим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приютили? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?

И Царь скажет им в ответ: – Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне

А вы, что думаете по этому поводу?

Весенняя притча

Под крышей полуразвалившегося сарая лежал камень.

Он был большой с розовыми прожилками по бокам и темно-серым верхом. Лежал, как и положено камню, всю зиму на одном месте, взирая на окружающий мир через призму проносящихся над ним тысячелетий.

Пришла весна.

Над камнем поселилась хрупкая и капризная сосулька.

То ли камень не тем боком повернут был, то ли еще что не так, но он ей сразу не понравился.

Ухватившись покрепче за кусок старого рубероида, сосулька вытянулась своим длинным носом к его центру и стала капать.

Вначале изредка, прицеливаясь и как бы стараясь насладиться произведенным эффектом.

Камень не реагировал.

Он ее просто не замечал!

Она стала капать чаще...

Еще чаще...

Дальше – больше. Ближе к полудню капли слились в непрерывный ручеек, и... сосулька вся на воду изошла.

Камень лежит как прежде – чистый, безгрешный – и нежится в лучах теплого апрельского солнышка. Как будто никто на него и не капал.

Все сиюминутное подобно тающей на солнце сосулке. Что из данного мига допускать в сердце выбирает сам человек, и никто другой. Мы сами ответственны за все происходящее с нами. Кто осознал это, тому не в чем упрекать окружающих, тот способен наслаждаться жизнью в любой ситуации. Даже если на него капает. Не так ли?

Жизненные истории

Девочка Таня

Когда мне было лет шесть, девочка Таня, примерно одного со мной возраста или чуть младше, поинтересовалась у меня:

– Ты знаешь, откуда берутся дети?

– Из мамино живота, – ответил я.

– А как они попадают в животик, знаешь?

Этого я не знал, и Таня объяснила:

– Это папы передают мамам семечки, и из семечек в животике вырастают детишки. –

Потом, помолчав немного, предложила: – Давай, ты мне дашь семечек, а я дочку для нас с тобой рожу.

– Из семечек только подсолнухи растут, – возразил я.

Мы стояли с ней на газоне недалеко от забора ограждающего школьный стадион. Около забора росло несколько кустиков вербы.

Таня взяла меня за руку и потянула к кустам:

– Глупенький, это совсем другие семечки. Пойдем, я тебя научу, как все делается – мне сестра рассказывала. Надо только хорошо от всех спрятаться.

Прятаться я любил и послушно пошел за ней.

За кустами мы немного присели, чтобы никто нас не видел. Таня сняла через голову платье, положила сверху на ветки вербы и сказала, чтобы я тоже снял свои шортики. Я стал расстегивать ляжки на шортиках, но потом заколебался – у меня не было трусиков под шортиками, а ведь я уже достаточно взрослый мальчик, а взрослым мальчикам нельзя стоять голенькими перед девочками.

– Не тни, давай быстрее, – поторопила меня Таня, и выпрямилась, укладывая свои трусики поверх платья.

– Я уже взрослый, – ответил я.

Она снова присела и зашептала:

– Нас никто не видит, а я никому ничего не скажу. Мы должны совсем-совсем раздеться и поцеловаться. В одежде ничего не получится. А потом...

Она не успела досказать, что «потом», как над нашими головами раздался истошный женский вопль:

– Бесстыдники! Молоко на губах не обсохло, а туда же! Сейчас я вас в таком виде к родителям отведу!

Незнакомая нам женщина решительно раздвинула кусты, наклонилась и, протянув руку вперед,хватила Таню за длинные золотистые косички.

Таня закричала. Из ее больших зеленых глаз брызнули слезы.

Меня как кнутом по спине хлестнули. Я подпрыгнул, схватился двумя руками за руку женщины и впился в нее зубами.

Женщина от боли и неожиданности завизжала, разжала пальцы, сжимавшие Танины волосы и отдернула руку.

Таня отскочила в сторону, схватила лежавшее поверх куста платье и бросилась наутек. Я подхватил ее падавшие на землю трусики, запихнул в карман шорт и, на ходу застегивая ляжки, тоже бросился бежать, но в противоположную сторону.

С Таней мы встретились снова в нашем дворе. Она жила в четырнадцатом доме, а я – в шестнадцатом на Молодежной улице. Окна наших комнат смотрели через двор друг на друга.

Таня стояла возле моего подъезда и смотрела, как ее старшая сестра прыгает со скакалкой. В окне напротив, на подоконнике сидела вполоборота их мать и лузгала семечки, сплевывая шелуху вниз на землю. Перехватив мой взгляд, она отложила в сторону кулек с семечками и все внимание сосредоточила на мне.

Напустив на себя невозмутимый вид, я направился к дверям своего подъезда. Таня демонстративно повернулась ко мне спиной. Проходя мимо, я легонько толкнул ее в спину рукой. Она не оборачиваясь, раскрыла правую ладонь. Я положил в нее сжатые в комочек трусики. Она накрыла их ладонью левой руки и побежала к своему подъезду. Я открыл дверь своего подъезда и, не оборачиваясь, с высоко поднятой головой зашел вовнутрь.

Больше мы с Таней не виделись. Нас с братом родители на лето отвезли к бабушке в деревню, а когда мы вернулись в город, на окнах дома напротив не было ни цветов, ни занавесок. Ближе к зиме из дома выехали последние жильцы, и он пошел на снос. О дальнейшей судьбе Тани и ее сестры мне ничего неизвестно.

Как мы с Женей Шароновым чуть не стали индейцами

Сейчас уже не помню, из каких источников я, ученик второго класса самой обычной советской школы, почерпнул информацию о жизни индейцев. Но сама по себе идея жизни в лесу – свободной от скуки школьных уроков, полной опасности и приключений – до такой степени овладела мной, что я решил незамедлительно начать подготовку к ее осуществлению.

Первым делом под большим секретом я поведал о своих планах закадычному другу Жене Шаронову. Женя тут же заявил, что тоже хочет стать индейцем. Кроме всего прочего, его в этой идее привлекала возможность избавиться от чрезмерной родительской опеки (Женя был единственным ребенком в семье, и мама с папой дрожали над каждым его шагом, стараясь во всем сына контролировать, направлять, иногда применяя для пользы дела методы физического воздействия в виде ремня).

Мы с Женей продумали детали обустройства жизни в лесу и начали подготовку к осуществлению столь замечательной идеи. У Жени был ключ от принадлежавшей их семье сарайки, расположенной во дворе дома. В углу сарайки, за поленницей дров, мы устроили небольшой склад, куда в течение месяца перетаскивали из своих квартир кусочки сухарей и по маленьким горсточкам различные крупы, сахар, соль.

Кроме того, мы изготовили два копья – обороняться от волков и других хищников, если те осмелятся напасть на нас в лесу. Копья представляли собой тонкие двухметровые палки, на торцах которых за неимением железных наконечников мы прибили по гвоздю, сплющив затем шляпки и заострив при помощи напильника.

Естественно, мы не забыли также создать свой «золотой запас», выпрашивая под разными предлогами деньги у родителей. Точную цифру не помню, но рублей 10 набрали (дело было еще до денежной реформы 1961 года). Мы бы могли и более основательно подготовиться, но после очередной взбучки от родителей за двойку Женя сказал, что его терпенье лопнуло – бежать в лес надо немедленно.

На следующее утро, основательно позавтракав и прихватив с собой увесистые бутерброды, мы якобы пошли в школу, но, завернув за угол, быстро обежали дом с другой стороны и вдоль строя примыкавших друг к другу сараек добрались до Жениной.

В сарайке вытряхнули из портфелей учебники, тетрадки и прочие излишние для индейцев вещи. Замаскировали всё среди дров. Один портфель сделали продовольственным, сложив в него бутерброды, сухари, крупы, соль, сахар. В другой положили топор (а как же в лесу без топора!), ножик, спички, фонарик, гвозди, походный котелок и бельевую веревку. Достали из тайника наши копья и пошли в лес.

Из окружающих город лесов мы выбрали тот, который начинается за поселком Волжский. Женя в нем ни разу не был, но я считал себя большим знатоком того леса, так как неоднократно ходил в него за грибами и ягодами вместе с отцом и старшим братом. Обычно мы на пристани «Дворец культуры» садились на речной трамвайчик, примерно через час выходили на пристани «Мехзавод», поднимались вверх по речному склону и через поселок Волжский шли в лес. Весь путь занимал часа три, не больше.

Утро нашего побега выдалось морозным. До Волги мы добрались быстро, еще храня в складках одежды тепло домашнего очага. Далее предстояло идти по льду реки. Дабы сократить путь, мы заранее решили не переходить Волгу по прямой, с берега на берег, а идти по диагонали, ориентируясь на силуэт здания шлюзов. Подняв воротники пальто, завязав покрепче ушанки так, что наружу выглядывали только глаза и кончики носов, мы ступили на заснеженный лед.

Встречный ветер заставил нас пригнуть головы. Вначале мы шли плечом к плечу, потом для экономии тепла и сил разумно решили идти след в след, поочередно меняясь местами.

Ветер крепчал, далекий силуэт здания шлюзов становился все менее заметным, а затем и вовсе исчез за пеленой густой снежной мглы.

Около часа мы двигались молча, но упорно вперед, ориентируясь по смутным очертаниям берегов и постепенно приближаясь к другой стороне реки.

– Далеко еще до леса? – спросил наконец Женя, обходя меня сбоку, чтобы сменить в роли ведущего.

– По Волге – столько, сколько прошли, или чуть больше, а потом через поселок еще идти надо.

Женя остановился, повернулся лицом ко мне:

– Мы не дойдем, выьемся из сил и замерзнем.

– Да, – согласился я, – летом на речном трамвайчике мы с отцом быстро добирались, а пешком по снегу получается очень медленно, и устаешь.

– Надо искать другой лес, поближе, – резюмировал Женя.

– Хороший лес есть около железнодорожной станции Просвет. Она недалеко от Рыбинска. Я видел из окна поезда – там по обе стороны железной дороги сплошные елки растут.

– Надо ехать в лес на поезде, чтобы выйти, чуть-чуть пройти и сразу шалаш для жилья строить, костер разводить.

– Да, пойдем к нашему берегу. Я знаю, где тут летом пристань была, а недалеко от нее было кольцо автобусное. Сядем на автобус, доедем до вокзала.

Мы развернулись назад и минут через сорок в том месте, где летом была пристань «Свобода», замерзшие и чуть не падающие в снег от усталости, наконец, снова вышли на берег.

Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания прохожих, копы спрятали среди лежащих на берегу Волги бревен.

Пока добирались автобусом до железнодорожного вокзала, случилась другая напасть – набившийся на Волге в валенки снег постепенно растаял, ноги отсырели, и от этой сырости по всему телу шел жуткий холод. Нужно было где-то найти место, чтобы разуться, просушить валенки, носки, согреть ноги. В холодных залах железнодорожного вокзала такого места не нашлось. Потоптавшись немного в очереди возле касс, все еще чувствовавшие усталость и дрожащие от холода, мы решили немного повременить с лесом.

Я предложил идти от вокзала во Дворец культуры. Там есть маленький боковой вход, откуда идет лестница в библиотечные залы. Дверь должна быть открыта, так как читальный зал работает очень долго. За дверью в тамбуре вся стена увешана отопительными батареями. Там всегда очень-очень тепло, можно прижаться к батареям, сверху положить мокрые носки. Заодно и перекусим бутербродами, а то уже кишки от голода сводит.

Собрав остатки сил, мы покинули здание вокзала и вновь окунулись в снежную круговерть. На улице было темно. Какая-то женщина остановила нас на полпути, принялась расспрашивать, почему мы еще не дома, не лежим в своих кроватках. Я разъяснил ей, что нам срочно надо в библиотеку. Какое-то время она упорно шла рядом с нами, потом отстала.

Дверь бокового входа действительно оказалась открытой, от батарей шло блаженное тепло. Мы моментально разулись, разложили носки и валенки по батареям, сняли пальто и, обняв широко раскинутыми руками ребра радиаторов, плотно приникли к ним своими промерзшими тельцами.

В таком виде где-то около полуночи и нашли нас там наши родители.

До дома мы ехали все вместе на такси. Ехали молча. На лестничной клетке я протянул Жене руку, чтобы попрощаться до завтра, он тоже было потянулся ко мне, но его мама с силой затолкала своего сына в открытую дверь их квартиры, и мне ничего другого не оставалось, как, понуриив голову, следовать за своей мамой в свою квартиру.

Потом был «разбор полетов». Я рассказал родителям все про индейцев и о том, как тщательно мы готовились. Маму интересовало, думал ли я, каково будет им, родителям, жить, не зная, где их сын и что с ним случилось.

Я признался, что не думал.

Из-за стенки доносились громкие крики Жени, – его родители беседовали с ним на других тонах.

Мама спросила, чувствую ли я свою вину.

Я сказал, что чувствую – Женю жалко.

– Ну что ж, – вздохнула мама, – это уже хорошо, но, может, еще что почувствуешь.

Она поставила посередине комнаты стул, велела мне сесть на него, сидеть, думать и не слезать до тех пор, пока не осознаю всю тяжесть совершенного мною.

Родители легли спать. Старшему брату Лене, порывавшемуся несколько раз вступить за меня, не было дозволено общаться со мной. Я сидел молча в темной квартире и слушал доносившиеся из-за стенки всхлипы Жени.

Родителям тоже не спалось, они ворочались на кровати, шептались. Наконец мама сказала, чтобы я ходил в туалет, почистил зубы и ложился спать.

Больше мы с Женей не предпринимали попыток стать индейцами. Если до этого дня его родители ставили ему меня в пример за хорошую учебу и всячески поощряли наше общение, то после неудачной попытки стать индейцами, они долгое время вообще запрещали ему общаться со мной.

О дружбе с Мариной и Юрке-донованозе

В четвертом классе я подружился с самой красивой девочкой нашего класса и круглой отличницей Мариной Яковлевой. Кто из нас стал инициатором дружбы – не помню. Но разве это так важно? По дороге из дома в школу я сначала заходил за ней, а потом мы вместе, взявшись за руки, шли до школьных ворот. Я часто бывал у Марины в гостях, мы вместе делали домашние задания, читали книги. Среди мальчиков нашего класса почему-то считалось зазорным дружить с девочками. Да и девочки к мальчикам не особо тяготели.

Не знаю, что девочки говорили Марине по поводу ее дружбы со мной, но среди мальчишек в школе меня стали дразнить женихом. Мне прозвище казалось обидным, я принципиально на него не откликался, но тем самым еще больше раззадоривал своих обидчиков.

– Эй, жених, подойди сюда, разговор есть, – на одной из перемен позвали меня к себе двое старшеклассников.

Я демонстративно прошагал мимо.

– Ты че, не слышишь? – раздалось вослед.

Я не обернулся.

Старшеклассники догнали меня. Один схватил за локоть и развернул к себе:

– Ты глухой или старших не уважаешь?

– Я не жених, у меня есть имя.

Удерживающий меня за локоть парень собрался было отвесить мне оплеуху, но его товарищ перехватил занесенную ладонь и несколько вычурно, с оттенком вины в голосе обратился ко мне:

– Извини нас, парнишка, – мы не знаем твоего имени. Назови его и не обижайся. Договорились?

– Договорились, – произнес я, польщенный столь уважительным к себе отношением со стороны старшего.

Я назвал свое имя, вежливый старшеклассник представился Юрой, а его напарник Санькой. Они тут же объяснили мне суть дела.

В их классе целую неделю вела уроки практикантка из пединститута. Уроки были очень интересными, и в знак благодарности сегодня, в пятницу, Юра принес из дома донованоз¹, чтобы от имени всего класса подарить ей, но боится оплошать с подарком – вдруг у нее уже есть?

Моя роль как человека уникального, способного общаться с дамами, заключалась в том, чтобы на следующей перемене подойти к девушке и поинтересоваться, есть ли у нее донованоз, а затем передать полученную информацию им.

– А что такое донованоз? – поинтересовался я.

Путаясь в словах, перебивая друг друга, ребята принялись сбивчиво что-то объяснять. Санька почему-то без конца отворачивался, сдерживая смех, Юра толкал его локтем в бок. Раздался звонок, и мы разбежались по своим классам.

На следующей перемене я подошел к дверям их класса как раз в тот момент, когда из них выходила практикантка.

– Простите, – обратился я к ней. – У вас есть донованоз?

Она остановилась и удивленно посмотрела на меня:

– А что это такое?

¹ Донованоз (синоним: паховая гранулема) – венерическое заболевание.

– Не знаю, – чистосердечно признался я. – Мне мальчишки из вашего класса объясняли, но я ничего не понял. Подумал, что вы и так знаете, вот и подошел.

– Вот беда, и я не знаю, – ответила она.

Мне стало неловко за свою неосведомленность. Как то все по-дурацки получилось: спрашиваю то, сам не зная что, да еще умный вид на себя напустил.

– Вы постойте здесь, не уходите, – взмолился я. – Буквально пару минут. Спрошу у ребят, вернусь к вам и расскажу.

Она послушно встала в коридоре возле стены, а я бросился к выглядывающим из-за колонны моим новым знакомым. Но тут случилось нечто странное, вместо того, чтобы дожидаться меня, Юра с Санькой стремглав бросились наутек.

– Юра, стой! – закричал я на всю школу. – Покажи мне твой донованоз!

Наблюдавшие за этой сценой их одноклассники, услышав мой отчаянный вопль, зашлись от хохота.

Отчего, почему, я понял лишь спустя несколько недель, когда вместе с ребятами из нашего класса, тайком от девчонок и учителей рассматривал ходившую по рукам в школе богато иллюстрированную дореволюционного издания книгу с описаниями венерических болезней.

Наша с Мариной дружба продолжалась довольно долго, пока я не перешел учиться в другую школу. Правда, дружили мы без былой интенсивности: мне были неинтересны ни ее любимая кукла, ни плюшевые зверушки, а ее, в свою очередь, не восхищали ни мой самопал, ни складной ножичек, не говоря уже о самодельном самокате, вместо колес на котором были установлены шарикоподшипники, гремевшие при езде на всю улицу.

А за Юрой в школе с тех пор закрепилась кличка – Донованоз, да так крепко прилипла, что по имени его никто из одноклассников и не называл.

Пару раз на переменах он грозил мне исподтишка кулаком. Но при чем тут я? Каждый пожинает то, что сеял. По-моему, это справедливо.

Бомбочки и матрос

Сейчас уже не помню, кто из ребят и где достал мешочки с бертолетовой солью и коробочки с красным фосфором. Вероятно, кто-то из взрослых вынес все это со склада спичечной фабрики – вынес просто так, по привычке, потому что в домашнем хозяйстве взрывчатые вещества не только бесполезны, но и опасны. (Бертолетова соль входит в состав спичечных головок, а красный фосфор является основным веществом, используемым для покрытия трущихся поверхностей спичечных коробков.)

Так или иначе, но в конечном итоге я, Женька Немцев, Мишка Поцелуев и еще пять-шесть сверстников с нашего двора занялись изготовлением бомбочек. С величайшей осторожностью через свернутые из газеты бумажные трубочки мы сыпали в маленькие аптечные бутылочки слой за слоем соль и фосфор, затем плотно затыкали горлышки пробками.

Изготовив несколько бомбочек, мы всей ватагой пошли на пустырь за домами, соорудили из валявшегося под ногами строительного мусора цель – корявое сооружение из обрезков досок и колотых кирпичей – и с расстояния в пятнадцать-двадцать метров начали цель бомбить.

Грохот, пламя, подсакивающие вверх куски кирпичей – страх быть изувеченным и неистовый восторг от своей смелости. Секунд через тридцать наши боеприпасы были исчерпаны, и мы, возбужденно переговариваясь, побежали назад изготавливать следующую партию бомбочек.

Несмотря на оглушительный, в прямом смысле этого слова, успех испытания первой партии «бомбочек», во второй партии мы, в едином порыве, решили увеличить их мощность, чтобы еще больше было грохота. Однако тут остро встал вопрос о том, как обезопасить себя. Если при взрыве маленьких бомбочек разлетающиеся во все стороны куски кирпичей не достигали нас, то при увеличении мощности могут и в голову кому-нибудь угодить. Вот если бы разбивать бомбочки о стену дома – стены у домов крепкие, из них кирпичи не полетят. Но вокруг полно людей. Взрослым это не понравится – или нас поймают, или родителям нажалуются.

– Я знаю один дом, за пустырем в поле, – сказал Мишка, – там тетя Шура живет. Мы с отцом дрова ей в поленницу складывали.

– Калымили?

– Задарма. Она старенькая. Их дом почти пустой, всех жильцов переселяют в новые квартиры, а дом ломать будут.

– А если всех переселяют, то зачем тете Шуре дрова?

– Тете Шуре и еще трем старикам начальство новые квартиры не дает – им по возрасту помирать скоро.

– А мы этих стариков не напугаем?

– Они войну прошли и со слухом у них проблемы. К тому же их квартиры в первом подъезде, а мы будем бросать в торцевую стену, за которой находятся квартиры второго подъезда, освобожденные.

– В окно бомбочка влетит – пожар может быть.

– Стена без окон, глухая.

Выяснив в процессе изготовления бомбочек еще кое-какие подробности про тетю Шуру, стариков и подлежащий сносу дом, мы единогласно решили, что лучшей цели не найти. Правда, идти до нее далеко, а бомбочки такие – чуть тряхнешь, и взорваться могут.

Решили идти медленным шагом, цепочкой, на расстоянии трех метров друг от друга, так, что если у кого в кармане бомбочка взорвется, то чтоб у других не детонировало. Однако минут через десять такой ходьбы как-то незаметно снова все перемешались и уже просто предупредили друг друга о ямках или колдобинах на дороге, чтобы кто-нибудь ненароком не споткнулся, не оступись.

Не столько из-за расстояния, сколько из-за необычайно медленной для нас скорости передвижения, добирались до цели часа два, если не больше. Но то, что мы увидели, не могло не восхитить – высокая, с облупившейся местами штукатуркой стена двухэтажного дома посреди поля, и вокруг – ни души!

Мы выстроились в линию, метрах в двадцати от стены и приступили к бомбометанию. Что тут началось! Грохот был такой, что закладывало уши! А пламя временами охватывало полстены!

И тут случилось нечто непредвиденное – от стены оторвался громадный кусок штукатурки с торчащими из нее деревянными рейками. Вся эта махина с треском упала на землю, подняв в воздух облако пыли. Я как раз доставал из кармана последнюю бомбочку. Мы все замерли – что делать?

Внезапно из того самого подъезда, в котором, по утверждениям Мишки, все квартиры были пустые, выскочил мужчина в кальсонах и тельняшке. Следом за этим матросом – женщина в ночной рубашке и с растрепанными волосами. Женщина, тыкая в нашу сторону ладонью, что-то закричала, и мужчина побежал к нам явно не с добрыми намерениями.

Мы бросились наутек. Страх прибавлял прыти, но жажда мести для разъяренного мужчины была не менее сильным стимулом. Расстояние между ним и нами неумолимо сокращалось.

Неожиданно я осознал, что зажатая в моей руке бомбочка при бегстве по неровной дороге представляет для всех нас еще большую угрозу, чем разъяренный матрос. Я, не оборачиваясь, через плечо, швырнул бомбочку назад и вверх. В тот же момент над нами раздался резкий хлопок, и земля под ногами осветилась отблеском пламени.

Мы остановились. Вероятно, бомбочка задела за низко провисший провод высоковольтной линии электропередач и разорвалась от сотрясения. В небе образовался огненный шар, медленно гонимый ветром в сторону нашего преследователя. Мужчина, увидев надвигающееся на него облако огня, резко остановился, развернулся на 180 градусов и с той же феноменальной скоростью, с какой догонял нас, побежал назад в сторону своего дома.

Шар растаял в воздухе. Женька сунул два пальца в рот, чтобы посвистеть вслед удирающему матросу, но Мишка остановил его движением руки:

– Не надо.

Женька поднес ко рту другую руку.

– Не надо, – повторил Мишка и пояснил: – Мы им дом испортили. Папа говорил, что у тети Шуры в доме все стенки продуваются, а теперь одной стенки все равно что вовсе нет.

– Ну, и что же нам теперь делать, если так получилось? – спросил кто-то из ребят.

– Надо заляпать стену, а то зимой и матрос этот со своей женой, и старики с тетей Шурой – все перемерзнут.

Мы принялись обсуждать, каким образом можно заляпать стену. Самое простое, как нам представлялось, забросать поврежденный участок глиной. Принести в ведрах глину, размочить в воде, наделать шариков и метать их в стену. Потом приставить лестницу и дощечкой разгладить, чтобы ровно было.

Однако для этого нужны были ведра, корыто для замачивания глины, лестница. И как при всем этом соблюсти конспирацию, сделать все тайком, чтоб никто не догадался, что отколовшаяся от стены штукатурка – наша работа? Пойти к тому матросу, признаться? Конспирация будет не нужна, и работа пойдет быстрее, но как-то боязно самих себя вот так с потрохами неизвестно кому выдавать. А что если он в милицию сообщит, и нас начнут искать, чтобы арестовать и в лагерь для несовершеннолетних отправить?

Ситуация казалась патовой. На душе скверно, а освободиться от чувства вины путем ее искупления страх мешает.

Неделю спустя после описываемых событий мой брат Леня и я как-то зашли к Мишке. Сидели за столом, Мишкина мать угощала нас чаем. Потом на кухню зашел Мишкин отец. Взрослые стали между собой обсуждать, как помочь тете Шуре с переездом. Мы навестили уши.

Из их разговора выяснилось, что всех жильцов аварийного дома срочно переселяют в новые квартиры, так как у дома от старости разваливаются стены. У одной стены половина штукатурки вместе с частью обрешетки отвалилась. Грохот был такой, что даже глухие старики слышали. Если так дальше пойдет, то людей скоро придавит под обломками, тогда начальству придется отвечать. А начальству, знамо дело, отвечать не охота – вот сразу для всех жильцов и нашли квартиры.

И тут Мишку осенило:

– Папа, а можно мы с ребятами поможем тете Шуре и ее стареньким соседям с переездом?

– Чего это вы вдруг?

– Ну, мы как раз думали, что бы такое полезное сделать, – пояснил мой брат.

На следующий день с утра человек десять ребят с нашего двора знакомой дорогой отправились к аварийному дому. На этот раз весь путь занял минут сорок, не больше.

Около аварийного дома уже стояло два грузовика. Мы стали помогать взрослым выносить из квартир вещи и укладывать их в кузова грузовиков.

Подъехал запорожец с прицепом, остановился у второго подъезда, и из кабины вышел тот самый «матрос», который гнался за нами по пустырю. Некоторое время он молча стоял возле своего запорожца и смотрел, как мы работаем.

Мы делали вид, что не узнаем его, только чуть быстрее бегали от грузовиков к подъезду и обратно.

В какой-то момент я встретился с ним глазами, он подмигнул мне и, кажется, улыбнулся.

Блек энд уайт. О Маяковском и не только

До восьмого класса я был абсолютно равнодушен к творчеству Маяковского. Ну да, жил когда-то такой поэт. Говорят, после Пушкина в советской иерархии поэтов – второй, поскольку правильно понимал революцию. Остальные поэты ее либо вообще не понимали и не принимали, либо, как Есенин или Блок, принимали с трудом, а понимали не совсем правильно.

И вот теперь, в соответствии со школьной программой, нам надлежало прочувствовать Маяковского, по достоинству оценить его железный стих и полюбить.

Поскольку у нашей учительницы по литературе Маяковский был даже не вторым, а первым поэтом всех времен и народов, то после подробного ознакомления нас с личностью Владимира Владимировича, она в качестве домашнего задания обязала нас к следующему уроку выучить наизусть сразу два объемных стихотворения: «Стихи о советском паспорте» и «Блек энд уайт».

Сказать по правде, времени на заучивание было предостаточно – впереди были пятница и два выходных дня, но как-то так получилось, что я был занят более интересными делами, а в понедельник на перемене не успел до конца дочитать даже одного стихотворения, как раздался звонок на урок.

Учительница вошла в класс. Мы встали.

Многие, как и я, приветствовали ее, не отрывая глаз от хрестоматий.

Она прошла к своему столу, поздоровалась (я умудрялся читать хрестоматию по литературе и одновременно четко улавливать все ее движения). Мы сели.

Она оглядела класс:

– Все готовы к уроку?

– Готовы, – раздался в ответ нестройный хор голосов.

– Заданные на дом стихи сегодня будет читать каждый из вас. Спрашивать буду в алфавитном порядке. Для экономии времени выходить к доске не надо. Поднимаетесь из-за парты и продолжаете читать с того места, на котором остановится предыдущий ученик. Всем понятно?

Класс, предчувствуя недоброе, молчал.

– Агапов, начинайте.

Володя Агапов поднялся:

– С чего начинать?

– «Блек энд уайт». Начинайте с начала.

Володя, глядя в окно, начал тихим голосом монотонно бубнить себе под нос:

– Если Гавану окинуть мигом рай-страна страна что надо под пальмой на ножке...

– Садитесь, Агапов, – двойка, – оборвала учительница его бормотание.

– Почему двойка, я все до конца могу наизусть рассказать.

– Не надо. Вы издеваетесь над поэтом. У него каждая строка значима, каждая строка – событие, бомба! А вы их, как пономарь, гнусавите. Я такого чтения не принимаю!

Она поставила отметку в журнал, назвала следующую фамилию, и – закрутилась карусель.

Каждый вставал, испуганно глядя на учительницу, читал пять-шесть коротких строк, она его останавливала, ставила оценку, поднимала следующего. Те, кто плохо заучили текст, получали двойки, выучившие назубок, даже не бубня под нос, выше тройки не получали.

Я лихорадочно пытался вычислить, какие строки необходимо выучить, чтобы выпалить их наизусть, когда дойдет очередь до меня. Самое начало «Блек энд уайт» я запомнил еще на перемене, поэтому, перевернув страницу, стал усиленно заучивать окончание, но когда сразу

троих подряд посадили с двойками за незнание, понял, что моя очередь подойдет ближе к середине текста.

Я перевернул страницу назад и уткнулся в середину текста: «Одно-единственное вызубрил Вилли...»

– Красавин, – раздался через пару минут голос учительницы.

Похоже, мне повезло. Пять следующих строк, которые надлежало читать, я уже, подобно Вилли, вызубрил. Важно было читать их как можно медленнее, чтобы не дошло дело до шестой строки.

Я встал. Поправил галстук, одернул пиджак, поднял голову, откашлялся, зачем-то вытянул вперед правую руку и, глядя в глаза учительнице, громко произнес:

– Белый!

Пауза. Перевел взгляд к окну:

– Ест!

Сжал пальцы в кулак, снова разжал, опустил руку и, разворачиваясь всем корпусом, оглядывая класс, выкрикнул:

– Ананас спелый!

На задней парте у окна кто-то, сдерживая смех, тихо прыснул в кулак. Я снова посмотрел на учительницу, снова вытянул вперед правую руку:

– Черный!

Взгляд в сторону окна. Пауза чуть длиннее:

– Гнилью моченый!

Пять строк закончились. Я их растянул по времени на все десять, но вождеденного тройка еще не получил. Из-за спины что-то шептали, пытаясь подсказать, но я не мог разобрать слов. Неожиданно в лабиринтах памяти высветились следующие четыре строки, бегло прочитанные еще на перемене:

Белую работу
делает белый,
Черную работу —
черный.

Я их прочитал с еще более длинными паузами и остановился. Дальше всплывать в памяти было нечему.

– Продолжай, продолжай, – ободрила меня учительница.

Я тупо смотрел в потолок, делая вид, что пытаюсь вспомнить забытый текст.

– Ну, открой учебник, подсмотри, – сжалась она надо мной.

Я склонился над партой, нашел нужные строки, поднял голову, продекламировал в том же ритме всё, что успел ухватить взглядом и запомнить. Снова остановился, устремив взгляд в потолок.

Очевидно, поняв, что я, мягко говоря, не блещу знанием текста, она неожиданно предложила:

– Возьми учебник в руки, открой и читай.

Я взял учебник, открыл и, уже поняв, в чем секрет таких ко мне поблажек, изо всех сил стараясь не форсировать процесс, четко отделяя строку от строки и раскрашивая их возникающими по ходу чтения эмоциями, прочитал стихотворение до самого конца. Финалом такого чтения были аплодисменты учительницы, поддержанные двумя-тремя одноклассниками, и пятерка в классном журнале.

На всю жизнь запомнилось мне: «Белую работу делает белый, черную работу – черный». И вместе с этими строчками где-то в глубинах души поселилось острое чувство неприятия

ко всякого рода возвеличиванию одних за счет других, к разделению людей на своих и чужих по признакам цвета кожи, национальности, партийности, вероисповедания.

Весь мир – одна семья! Спасибо, Владимир Владимирович, что, в какой-то степени, и вы помогли мне осознать эту истину.

А начиналось все с невыполненного домашнего задания. Неисповедимы пути Господни...

Мир! Бог! Май!

Это было в далеком 1966 году, когда нынешняя краса Рыбинска, Спасо-Преображенский собор, напоминал развалины Брестской крепости. С усеченными главами куполов, без крестов, окруженный горами строительного мусора, он казался обреченным. Поговаривали, что городские власти то ли в самом соборе, то ли вплотную к его стенам намерены соорудить общественный туалет, а пока до утверждения проекта, часть помещений использовалась под временное общежитие для тех, кому не досталось мест в благоустроенных семейных общежитиях. Пройти в «общежитие» с улицы можно было только через калитку, расположенную в левой створке главных ворот храма. Сами ворота были по центру и бокам забиты досками. В нижнем ярусе колокольни размещался пункт приема стеклотары. В дни авансов и получек у его дверей выстраивались большие очереди горожан с авоськами набитыми пустыми бутылками из-под водки и дешевых плодово-ягодных вин. Остальные окна и двери первого этажа были частично заложены битым кирпичом и замурованы цементом, частично забиты неструганными досками. Осколками кирпичей вперемежку с цементом были заделаны и большие отверстия в земле вплотную к цокольной части собора. Поговаривали, что где-то здесь был замаскирован люк, подняв который можно было попасть в подземный ход, ведущий на левый берег Волги.

Естественно, все это – и колокольня, и громадные пустые залы с взирающими со стен через облупившуюся краску ликами святых, и слухи о подземном ходе, как магнит притягивало к собору подростков со всех районов города. У нас были свои тайные ходы, как проникнуть внутрь, мы превосходно ориентировались, где какие есть замаскированные лазы, чтобы перебраться из одного помещения в другое. Было у собора и еще одно немаловажное достоинство – его колокольня, самое высокое по тем временам здание города.

Не знаю, кому из нас первому, мне или Женьке Немцову, пришла идея посмотреть на первомайскую демонстрацию с высоты колокольни, поприветствовать знакомых, подурачиться немножко – но принята она была на ура. В десять утра, когда демонстрация была в самом разгаре, мы с помощью приставной доски проникли через небольшое отверстие в помещении над потолком пункта приема стеклотары и оттуда, забрались по винтовой лестнице на площадку с колоколами. На площадке стряхнули с одежды пыль, уселись на парапет, и, размахивая руками, стали кричать лозунги:

– Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – организатор и вдохновитель всех наших побед! Ура, товарищи!

Снизу никакой реакции. Море плакатов. Мир, труд, май! Искусственные цветы, портреты вождей...

– Да здравствует нерушимое единство партии и народа! Ура, товарищи!

Минут пять, выкрикивая лозунги и кривляясь, мы пытались привлечь внимание демонстрантов, но они нас не слышали – пели свои песни, передавали по шеренге фляжки со спиртным, болтали о чем-то между собой, махали флажками, смеялись, танцевали. Хоть бы один кто задрал вверх голову, посмотреть на небо, на колокольню, на нас.

И тут мне на глаза попался длинный металлический прут, лежащий на полу в известковой пыли. Я спрыгнул с парапета, поднял прут, отряхнул от пыли, ухватился двумя руками за один его конец и вторым дотянулся до языка колокола. Женька сразу уловил мои намеренья, и мы, удерживая вдвоем прут, стали раскачивать им язык колокола. Вначале это не особо нам удавалось, но потом наловчились, и спустя какое-то время над запруженной демонстрантами Соборной площадью (тогда она называлась площадью Маяковского) поплыл мощный густой колокольный звон.

Когда руки устали, мы положили прут на пол и бросились к парапету – снизу на нас смотрели тысячи восхищенных глаз. Неожиданно откуда-то из толпы демонстрантов материализовались несколько человек в милицейской форме и врассыпную бросились к собору.

– Бежим, поймают, мало не покажется, – потянул меня за рукав Женька.

Мы метнулись к винтовой лестнице, но снизу уже стучали вверх чьи-то сапоги. Оставался один путь – наверх.

Раньше мы никогда на колокольне выше яруса с колоколами не поднимались – там вместо лестницы торчали два ржавых перекрученных швеллера с налипшими на них остатками штукатурки, а над ними угрожающе нависал заваленный битым кирпичом остов лестницы – того и гляди, что-нибудь сорвется на голову. Но другого выхода у нас теперь не было.

Я вскарабкался Женьке на плечи, дотянулся до швеллеров, пригнул к стенке, перебрался на них с Женькиных плеч и протянул другу руку. Минуту спустя мы продвинулись по остаткам лестницы еще немного вверх и скрылись от глаз преследователей за уступом стены. Снизу доносилось множество голосов. Кто-то тронул руками швеллеры, по которым мы только что карабкались наверх и крикнул своим напарникам:

– Здесь пусто, а дальше хода нет!

– Спускайся, поймали, – ответил ему хриплый голос снизу.

– Дяденьки милиционеры, мы, честное пионерское, не звонили, – хныкал кто-то из задержанных.

– А как-же – Святой Дух звонил! – рассмеялся милиционер с хриплым голосом.

– Мы даже не успели на колокол посмотреть, – вторил хныкавшему пионеру слезливый девчоночный голосок.

– В участке расскажете, кто успел, а кто нет.

Постепенно, голоса и шаги стихли. Мы с Женькой, поддерживая друг друга, осторожно спустились на площадку с колоколами, подошли к парапету и посмотрели вниз. Соборная площадь была по-прежнему заполнена демонстрантами.

Да, как-то не совсем хорошо получилось – мы звонили в колокол, а достанется по полной чаше за наше баловство каким-то малолеткам. Если не признают «свою вину», еще и вдвойне поплатятся, и родителям штраф впают. Скверная история. Что-же делать?

И тут Женька поднял металлический прут. Я без слов понял его замысел – вызываем огонь на себя! Мы ухватились, чередуя руки, за прут и стали раскачивать другим его концом язык колокола. Через пять-шесть колебаний над площадью снова поплыл густой колокольный звон.

После трех-четырех ударов, мы положили прут и, не чуя под собой ног, бросились вниз по винтовой лестнице. Не сговариваясь, решили уходить не напрямую через отверстие над пунктом приема стеклотары, а через бывший лазарет.

На втором ярусе колокольни через брешь в стене пролезли в чердачное помещение церкви. С чердака по веревке через дыру в потолке спустились вниз. Затем стряхнули с одежды и обуви пыль, придирчиво оглядели друг друга на предмет чистоты костюмчиков и удовлетворенно направились к дверям. Из лазарета на улицу можно было выйти только через самострой «семейного общежития». И тут нам навстречу из дверей со стороны «общежития» выскочил мужчина в серой шляпе. Увидев нас, он радостно растопырил руки, явно намереваясь хоть одного, но сцапать. Отступать было некуда.

– Скорей, бегите сюда, – закричал вдруг Женька мужчине и сам побежал назад к отверстию в потолке, из которого пару минут назад мы спустились с чердака.

Дядя в шляпе, остановился.

Я тоже подбежал к отверстию в потолке и призывно замахал ему рукой:

– Что же вы стоите? Они все там. Слышите, как топают! Не бойтесь – мы поможем!

Прислушавшись к доносившемуся сверху стуку многочисленных сапог и отбросив колебания, дядя в шляпе подбежал к нам, заглянул в наши честные глаза и, ухватился за свисающую веревку. Мы подставили ему под ноги спины. Секунду спустя он скрылся на чердаке бывшего лазарета.

Мы не сговариваясь, неожиданно перекрестились, посмотрели удивленно друг на друга, рассмеялись и поспешно пошли к выходу.

Пионеры были спасены – это главное. При этом, каким-то чудом и нам удалось выйти сухими из воды. Может, правы малограмотные бабушки, и в этом мире есть Бог?

Мать Тереза и рикша

Калькутта – один из беднейших городов Индии. Но за те три дня, что мы провели в нем, нам не встретилось ни одного нищего, требующего подачек в обмен на демонстрацию своих увечий. Зато на улицах было полно рикш. Не мото- и велорикш, наводнивших улицы Дели, Мумбая, Бангалора, а рикш в их исходном понимании – обожженных солнцем индусов, вручную тянущих по улицам свои телеги с восседающими в них клиентами. Иной раз какой-нибудь жилистый паренек, согнувшись к тротуару под углом сорок пять градусов, перевозил на своей тележке по шесть-семь клиентов разом, целые семьи, с чемоданами, всевозможными коробками, мебелью...

Мы с Ириной выходили на улицу из ворот монастыря Матери Терезы. Светлый образ этой монахини еще парил над нашими головами. Беззаветное служение больным, обездоленным, неимущим. Служение без малейшей примеси корысти – как естественная потребность любящей души в самовыражении. Может ли быть что-либо более возвышенное? Сотни тысяч спасенных от голода и болезней. Символ милосердия, сострадания...

И тут на другой стороне улицы мы увидели рикшу – пожилого, с поседевшими волосами индуса. Он сидел на бордюре, привалившись спиной к колесу своей тележки, и ожидал клиентов.

– Ира, – осененный внезапно возникшей идеей, обратился я к своей спутнице. – Этот человек не сломался под ударами судьбы, не стал попрошайкой. Он зарабатывает на хлеб своим тяжелейшим трудом. Его необходимо поддержать. Честный труд, честный заработок – в этом нуждается Индия, в этом источник ее будущего материального процветания. Ты согласна?

Ира рассеянно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

– Давай найдем его, – предложил я. И в ответ на ее удивленно приподнявшиеся брови пояснил:

– Мы заплатим ему не нищенские тридцать рупий, а пятьсот или даже тысячу – как оценили бы такой труд по европейским меркам. Он довезет нас до гостиницы. Я плачу. Я приглашаю тебя прокатиться на рикше!

Я ступил с тротуара на проезжую часть, уже намереваясь перейти дорогу, но она легонько коснулась рукой моего плеча:

– Постой, ты вполне отдаешь отчет тому, что сейчас предложил?

– Конечно! – обернувшись, ответил я и стал развивать свою мысль дальше. – Подавая милостыню, мы развращаем людей, а поощряя честный труд...

– Я не о том, – перебила меня Ира. – Представь себе на миг, что ты – мать Тереза.

– Ну?

– Мать Тереза, которую везет по городу впряженный в тележку человек.

– И что?

– Представил?

– Мы... – все еще окутанный флером своей идеи, начал было я, и вдруг осекся, представив согнутого под углом сорок пять градусов индуса с поседевшими волосами, впряженного в громоздкую телегу. Натруженные ноги с выпуклыми прожилками вен, мозоли на плечах, покрытый потом лоб. А на телеге, которую он тянет по многолюдной улице, восседает Мать Тереза, приветствуя поднятой ладонью кланяющихся ей с тротуаров горожан...

Вот она раздает голодающим рис. Вот меняет прокаженному белье и обрабатывает раны целебной мазью. Дежурит у кровати умирающего от рака ребенка...

Но Мать Тереза, восседающая на рикше? Что-то неприятное, отталкивающее открывалось в этой картине.

И в этот момент, словно иллюстрация к нашему диалогу, на дороге показался очередной рикша. Он довольно бодро тянул за собой тележку, на которой восседала пара европейцев.

Молодые парни потягивали из баночек пиво, чему-то улыбались, изредка поглядывали по сторонам, любуясь достопримечательностями, и вели неспешный разговор. Возможно, логически безупречный, о том, как это здорово – поощрять честный труд индусов.

В равной степени изумленный и тем, как легко можно обмануться убедительностью логики, и тем, насколько она беспомощна, когда дело касается нравственных вопросов, я шагнул обратно с проезжей части на тротуар.

– Давай подумаем, как поделикатней ему помочь, чтобы не унижить шубой с барского плеча, – предложила Ира.

– Нет ни одной идеи.

– Предлагаю подойти, поговорить с ним, а дальше видно будет.

Мы прошли по тротуару метров сто вперед до пешеходного перехода, пересекли улицу, а когда приблизились к рикше, увидели, что отодвинувшись от колеса в тень телеги, и положив голову на камни мостовой, он крепко спит. Из заднего кармана брюк, почти вываливаясь наружу, торчал холщовый мешочек.

И тут меня осенило. Достав из своего портмоне бумажку в тысячу рупий, я нагнулся к рикше, двумя пальцами вытащил из его кармана мешочек, положил туда купюру и только собрался было вернуть этот своеобразный кошелек на место, как рикша резко ударил себя ладонью левой руки по карману, в котором только что находилась вся его дневная выручка, тут же повернулся к нам лицом и сел.

– Это не у вас из кармана выпало? – протянул я ему мешочек.

Он схватил его, с подозрением и испугом оглядывая нас.

Ира сложила ладони на груди, поклонилась рикше и прошептала:

– Намасте².

Я последовал ее примеру, и, не ожидая от старого индуса ответных знаков вежливости, взявшись за руки, мы счастливые побежали к гостинице.

² Намасте – знак приветствия и прощания в Индии. Один из вариантов перевода с санскрита «Божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в тебе».

Прости меня, незнакомка

Пытаясь передать показания газового счетчика, сотый раз нажимаю на телефоне кнопку повтора – в ответ короткие гудки. В груди нарастает раздражение – двадцать первый век, а нормальную связь никак не наладят. Пробую набрать номер снова – бесполезно.

Наконец дозвонился.

Пошли длинные гудки.

Я терпеливо жду.

Спустя минуту или две трубку подняли, и – молчание.

– Алло, – кричу. – Примите показания счетчика.

– Вы кто? – раздается в ответ приглушенный расстоянием женский голос.

– Абонент 358672.

– Шпион что ли?

– Фрунзе, 53. Квартира 28, – несет меня по инерции.

В трубке снова воцарилось молчание.

– Алло, вы меня слышите?

– Мне сейчас так плохо. Поговори со мною, – тихо просит незнакомка и еще тише прибавляет: – Пожалуйста.

Я бросаю трубку, с минуту ошалело гляжу на кнопки телефона и вдруг всеми фибрами души осознаю, что только что кого-то предал. У меня просили капельку тепла, капельку участия.

А я...

Судорожно набрав знакомый номер и дождавшись соединения, кричу:

– Алло! Это снова я!

– Горгаз, – устало произносят на другом конце провода.

– Кто?

– Ваш абонентский номер, пожалуйста.

Я тихо кладу трубку на рычажки.

Меня комбинации цифр, бесчисленное число раз пытаюсь повторить случайную ошибку – безрезультатно.

Дважды в одну реку не входят.

Прости меня, незнакомка.

Гитара, классика и любовь

Невысокое деревянное здание аэровокзала было переполнено народом. Люди сидели и лежали на стоящих посреди зала ожидания лавках, на чемоданах, узлах, коробках... Самолеты ввиду неблагоприятных метеоусловий не летали уже третий день. Аэропорт, отгороженный от всего мира пеленой дождей, тоскливо плыл среди пустоты бесчисленных туч в четвертые сутки ожидания. Тяжелые капли воды, переливаясь в его огнях, рикошетили с окружающих здание тополей на окна, плющились и извилистыми ручейками стекали вниз.

Дождь, дождь, дождь... Что может быть грустнее затяжного дождя?

Устав лежать, стоять, перелистывать журналы, бродить бесцельно по переполненным залам аэропорта – устав ждать, я сидел на полу, облокотившись о перегородку, отделявшую окошечко кассы от остального пространства зала ожидания. Напротив меня, улегшись на большой бесформенный тюк и прикрыв лицо газетой, дремал невысокий коренастый мужчина средних лет. Около него на краешке лавки с книгой в руках сидела довольно миловидная девушка возраста Джульетты или чуть постарше. Поодаль, немного левее, рядом с небольшим рюкзаком, сверху которого лежала обернутая в целлофан гитара, примостился паренек в поношенной серой гимнастерке. Гимнастерка была заправлена в фирменные джинсы, ворот расстегнут так, что в разрезе был виден болтающийся на шнурке зуб медведя.

Паренек в сотый раз перелистывал старый номер «Огонька», через каждые пять – десять минут поднимая глаза вверх обложки и оглядывая зал, как бы отыскивая там знакомых. При этом его взгляд неизменно задерживался на читающей книгу девушке.

Девушка не отрывала от книги глаз, но, разумеется, ощущала на своем лице его взгляды. Об этом говорили и легкий румянец на ее щеках и несколько показное внимание к процессу чтения.

Время шло. Тягуче-медленно проходил за часом час. Девушка читала и краснела. Парень никакой инициативы не проявлял. Кругом царили скука и обреченность томительного ожидания.

Я наблюдал за моими Ромео и Джульеттой скорее от безделья, чем из любопытства. Но постепенно стал ощущать, как ход времени непостижимым образом в моем сознании увязывается с хронической нерешительностью парня. Казалось, время не сдвинется с места и самолеты никогда не полетят, пока парень не решится подойти к девушке.

В конце концов, нервы не выдержали, я встал и, покинув свой наблюдательный пункт, подошел к парню. Тот сосредоточено, не спеша, в сотый раз перелистывал журнал.

– Извините, у вас спичек не найдется? – спросил я, доставая из кармана пачку «Мальборо».

Парень отрицательно покачал головой.

– И когда только закончатся эти бесконечные дожди? – попытался я завязать разговор.

Парень неопределенно пожал плечами.

– Смотрю, ты все время как бы ищешь кого-то глазами. Знакомых ждешь? – продолжил я свои усилия по налаживанию контакта, одновременно на правах старшего переходя на «ты».

Парень моей инициативы поддерживать явно не хотел.

– Значит, один летишь?

Он не ответил.

– Я тоже один.

Парень снова промолчал.

«А не немой ли он?» – пронеслось в голове, и сразу как-то окончательно для себя определил: «Ну, конечно, немой!»

Положив «Мальборо» в карман, я присел на пол рядом с немым Ромео и уже по инерции, не надеясь на положительную реакцию, попросил, кивком головы показывая на гитару:

– Может, сыграешь?

Парень закусил верхнюю губу, задумался на секунду, мельком взглянул на девушку и поднял гитару с рюкзака. Освободив ее от целлофана, поставил корпус инструмента на правое колено, взялся левой рукой за гриф и пробежался пальцами по струнам, настраивая звучание. Потом на какое-то мгновение пальцы остановились, парень поднял голову прямо и гитара зазвучала.

С первых аккордов я узнал... «Лунную сонату».

Потрясающе!

Упади сейчас на наши головы крыша аэропорта, это не было бы так неожиданно, как музыка Бетховена в спертom воздухе зала ожидания, переполненного уставшими и оттого озлобленными людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.